

Мейерхольд В.

Экран и сцена -

1994 - 24 -
31 марта -

с. 6 -
7

УНТАЯ двухтомник «Мейерхольд репетирует», выпущенный столетним издательством «АРТ (Артист. Режиссер. Театр)», вспоминаешь мандельштамовские строки:

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Вспоминаешь потому, что в них с редкостной драматичностью выражена мысль и о хрупкости человеческого существования, дел человеческих и об их же бессмертии. И сам поэт, и режиссер, казалось, бесследно исчезли в кровавой пучине конца тридцатых годов. Ан нет, воскресли вновь. «пережив» своих гонителей и палачей, да и просто благополучных современников.

Конечно, невозможно не разделить печали, которая высказана в первых же строках послесловия Бориса Зингермана: «Ничего не поделаешь — записи и стенограммы не дают представления о магии мейерхольдовских репетиций, прерывавшихся аплодисментами. Магия была в гениальных показах Мастера. По многу раз он поднимался на сцену, чтобы, импровизируя, вдохновенно сыграть своим актерам то, чего нельзя объяснить словами. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но мы должны довольствоваться услышанным».

В самом деле, как не позавидовать, скажем, тем, кто был свидетелем такого эпизода на репетиции «Пиковой дамы» в ленинградском Малом оперном театре: «...Поющий Ковальский (Герман), заканчивая последние такты пения, одновременно и поет, и аплодирует показывающему мизансцены и движения Мейерхольду, все присутствующие подхватывают его громкими возгласами удовольствия и удивления и долгими аплодисментами».

Однако и то великое благо, что сами стенограммы сохранились и отчетливо передают накал творческой страсти и фантазии, которые вкладывал

замечательный режиссер в работу над спектаклями и о которых сам сказал в пору репетиций, увы, неосуществленного «Бориса Годунова»: «Мне лично эта работа представляется горой, на вершину которой надо взобраться, и надо цепляться за каждую строчку, карабкаться вверх, ломать при этом ногти, делать мозоли».

В этом «карабканье», в этих поисках наиболее выразительных сценических решений Мейерхольд поистине неутомим и испытывает почти детскую досаду, когда ему напоминают о времени, о необходимости заканчивать репетицию: «Мне надо найти страну, где нет регламентации труда... Антипрофсоюзная линия, но что ж поделаешь...»

Он стоически готов и к тому, что затраченный им и актерами труд может сказаться далеко не сразу, и даже парадоксально заостряет эту мысль: «Вообще, всякий хороший спектакль должен идти на верный провал на премьере. На премьере только планы — план режиссера, план актера, но заиграть — это нужно пуд соли съесть. Я вижу: в «Свадьбе Кречинского» Ильинский только начинает играть. И я сегодня не узнаю своего плана и думаю: неужели это было в плане? Там были только корешки — и вдруг они пустили цветение».

Над «корешками» он хлопочет всячески, упорно доискиваясь тех «золотых залежей», которые, по его твердому убеждению, есть у актера. Тут в ход идет все — собственный актерский и человеческий опыт, давние те-

«Леса» режиссера

атральные традиции, искусство «оппонентов», с которыми (например, со Станиславским) скрещивал или даже все еще скрещивая шпаги в яростной полемике. Мейерхольд добивается своего, как говорится, и лаской, и таской, то многократно напоминая об уже достигнутом тем или иным актером в других ролях, то беспощадно высмеивая действительную или только почудившуюся ему в участниках репетиций «обломовщину», инертность, неспособность творчески вспыхнуть от подносимой им «пички» — разительного замысла, выдумки. «...Это в истории будет отмечено, — обидчиво грозит он: — была на земном шаре такая труппа, где актеры брезговали водевилем».

На строительные «леса», возводившиеся для каждого спектакля, Мейерхольд щедро тратил «красное дерево» своей фантазии и порой, пожалуй, сам заслуживал того упрека, который однажды адресовал своим помощникам, усердно следовавшим методу «мэтра»: «...Прислуга сделала пирог и она столько туда жира напустила, что все после обеда умерли скоропостижно, потому что она вместо фунта масла положила шесть...»

Но такова уж расточительность этого таланта, что мейерхольдовским «маслом» поныне сдобряются многие постановки.

На заключительных страницах стенограмм порой можно уловить тень наползавших туч: глухо, мимоходом упоминается о первых ударах по Камерному театру, о недовольстве театрального начальства «недостаточно самокритичными» выступлениями самого Мейерхольда. И даже от вполне заурядно-будничной фразы о встрече с одним из авторов известных мейерхольдовских постановок: «Когда я его в последний раз видел...» отдает жутью: ведь это могла быть, действительно, последняя встреча с вскоре репрессированным Сергеем Третьяковым. Закрывались театры, изымались книги, исчезали имена, обрывались судьбы и жизни, чтобы лишь через десятилетия возникнуть из небытия, донести до нас свое дыхание и тепло.

Долголетняя работа составителя и комментатора рецензируемой книги — М. М. Ситковецкой достойно продолжила труд много сделавших для воз-

вращения Мейерхольда читателям А. Гладкова, К. Рудницкого, А. Мацкина (как жаль, кстати, что большая книга последнего все еще остается неизданной).

Андрей ТУРКОВ.